

Екатерина Гликен

Не стоило и начинать,
или В общем, все
умерли

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Екатерина Константиновна Гликен

Не стоило и начинать, или В общем все умерли

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64322797
SelfPub; 2023*

Аннотация

Житейские истории в простом и личном изложении, насыщенные большими трагедиями маленьких людей. Содержит нецензурную брань.

Екатерина Гликен

Не стоило и начинать, или В общем все умерли

Дракон приземлился на поле,
Сложно считать, что ты спишь...
Хотя сон был свойственен этому веку
Из песен БГ

Бывают дни

Валерий Галактионович с самого утра сегодня был крайне бледен. Впрочем, это нисколько его не портило. Напротив, восковая белизна его высокого надменного лба обнаруживала в нем сегодня фигуру незаурядную и глубокомысленную, в противоположность всегдашнему амплуа стареющего бабника.

Валерий Галактионович сегодня с самого утра был не только бледен, но и холоден. Новый с иголки костюм, ослепительно белая рубашка... Он был настолько холоден, что, если бы он забыл в нагрудном кармашке шариковую ручку, можно было бы не беспокоиться, что она растечется от тепла и обнаружит себя некрасивым чернильным пятном в области впалой груди Валерия Галактионовича, как это постоянно случалось раньше.

Даже осанка Валерия Галактионовича сегодня была особенно восхитительной. Сегодня с самого утра Валерий Галактионович предстал перед всеми с по-гимнастически распрямленными плечами, во фрунт. В другие дни, он бы поболся так выпрямить позвоночник: подобная дерзость могла бы отозваться острой болью. Но сегодня Валерий Галактионович не боялся ничего. Бывают такие дни в жизни человека, когда ему больше нечего бояться.

Сегодня с самого утра Валерия Галактионовича, почувствовав в нем разительную перемену, окружали дамы. Каждая немного склоняла перед ним голову, как будто в знак почтения, никто не хихикал за его спиной.

С самого утра Валерию Галактионовичу несли цветы. С самого утра Валерия Галактионовича хвалили за все мыслимые и немыслимые заслуги.

Бывают дни.

С самого утра Валерий Галактионович был мертв

Глупая история

Николай Иванович любил сидеть, поджав под себя ноги.

Это очень раздражало Веру Петровну, и она неоднократно высказывала ему свои претензии.

Николай Иванович Веру Петровну любил, но ног с дивана не убирал.

Характер Николай Иванович от природы имел мягкий, даже слишком мягкий, домашние звали его не иначе, как «Коленькой», причем даже при посторонних. Если случалось,

к примеру, друзьям или сослуживцам Николая Ивановича прийти к ним в дом, из кухни непременно высовывалась кудрявая голова Веры Петровны с этим неприличным «Коленька».

Николай Иванович каждый раз искренне краснел перед сослуживцами, ведь они могли решить, что он «баба» и «каблук». А ведь этого никак нельзя было допустить.

Поэтому Николай Иванович вздыхал и шел с коллегами, иступленно напивался до поросячьего визга, не потому что любил это дело, но, чтобы все видели, что в он в доме хозяин и никто ему не указ, и вернется он домой когда и каким захочет.

Вера Петровна была умная женщина, два высших образования, но такой пустяк понять не могла. Ведь именно из-за ее «Коленьки» Николай Иванович, прораб и вообще мастер на все руки, должен был оправдываться перед всем миром и доказывать, что он не нюня.

Вера Петровна обижалась на мужа за пьянство. Вера Петровна даже искренне завидовала подругам, мужья которых пили «по чуть-чуть». Как человек, склонный к самообразованию, Вера Петровна изучила массу книг по семейной психологии, купила кружевное белье и научилась готовить всевозможную бешамель.

В одном журнале Вера Петровна вычитала, что мужчины немного сродни собакам, и их полагается дрессировать. «Должен быть какой-то каприз в женщине, – поучала ста-

тъя, — и надо заставить выполнить мужчину самый глупый каприз, тогда он покорится и станет доверчив».

На женских форумах сообщали о всевозможных капризах, вроде платьев и духов, но Вера Петровна была человеком образованным. Она понимала, что если и добьется норковой шубы, то покупка будет осуществлена из ее семейного бюджета, поэтому она сама же и будет потом сидеть несколько месяцев на хлебе и воде.

Выход нашелся сам собой — делом всей жизни Веры Петровны теперь стала необходимость заставить Коленьку не поджимать под себя ноги.

Николай Иванович не заметил перемен в жене, разве только одну: раньше он терпел только её «Коленька» при сослуживцах и гостях, в ресторанах и магазинах, теперь к этому добавилось маниакально-настойчивое «убери ноги с дивана».

Николай Иванович, всю жизнь боявшийся прослыть подкаблучником, перепугался не на шутку, ведь если он даст слабину и согласится убрать ноги с дивана, последние бастионы его мужской свободы и независимости падут.

Поэтому, хоть Николай Иванович и очень любил жену, но ноги с дивана не убирал.

Вера Петровна сердилась, ругалась, умоляла и плакала. Муж не сдавался, посиделки его с друзьями стали чаще. К ним прибавилось теперь и еще одно: раньше он пил, чтобы доказать друзьям, что не каблук, теперь он пил, чтобы дока-

зять себе то же самое.

По утрам к похмельному запаху изо рта примешивался сжигающий внутренности стыд от того, что он, Николай Иванович, так дурно поступает с своей женой. Глубокие внутренние монологи Николая Ивановича стали продолжительнее, большей частью теперь они были посвящены выяснению того, кто все-таки виноват в том, что он вчера напился. Вывод был сух и ясен: Вера Петровна и виновата со своим «Коленькой».

Николай Иванович даже пробовал побить Веру Петровну за то, что она довела его до такой жизни. Однако не смог: то ли воспитание, то ли любовь к жене не дали ему этого сделать. После такой провальной попытки Николай Иванович навсегда потерял к себе уважение. И запил окончательно и бесповоротно, навсегда, без внутренних диалогов и стыда.

Характер Николая Ивановича был мягкий, а сердце хрупкое. Через неделю Николая Ивановича не стало.

Безутешная вдова заказала на похороны венок с надписью «Любимому Коленьке»

Да, будьте счастливы вы, наконец!

Дни рассыпались как бусины из дешёвого ожерелья. Лёгкие, как будто пластмассовые, они моментально закатывались в разные уголки памяти.

Она пыталась собрать их воедино и нанизать на личную нить временной последовательности. Отыскивать их в тумане

не сознания становилось все тяжелее и мучительнее. И тем тяжелее, что находились они в совершенном беспорядке и беспрестанно путались.

Один Она нашла прямо за ножкой низенькой табуретки. Короткое воспоминание. Ножка табурета, на ней большая терка для шинковки капусты. Мамины руки. Мама показывает:

– Вот морковки столько, сколько рука захватит. Кидаешь и мнешь.

Руки у мамы были разные. Ногти не росли почему-то никогда. Были мягкими и быстро ломались. На правой руке они всегда были треугольными, а на левой – закругленными. Позже, когда Она сама квасила капусту, Она постоянно видела эти мамины руки, «сколько захватит».

Она посмотрела на свои. Её руки были другими. Почему-то ногти резко очерчивались грязной черной каёмкой. Почему? Может быть, Она что-то копала в саду? Может, у Нее есть сад? Да, наверно! У Нее определено есть сад и Она что-то там сажает. Что? Морковь? Она завертела головой, оглядываясь по сторонам, желая отыскать хоть маленький огородик, хотя бы на окне. Но не нашла ровным счетом ничего.

Но ведь должен быть? Сад. А в нем розовые розы... Она точно помнила, что нужно было посадить белые, а почему-то выросли розовые. Перед глазами вновь мелькнула яркая картинка. Красочная страница книги. На рисунке ка-

кие-то смешные человечки большими кистями перекрашивали розы. Немного поодаль на это, раскрыв рот, смотрела маленькая девочка. Девочка была очень хорошенькая, с растрепанными волосами и сонными глазами. Впрочем, девочка не была нарисованной, а лежала рядом в кровати.

Дочь? Да-да! У меня есть дочь, и мы вместе любим читать «Алису в стране чудес». О, прекрасные вечера, которые мы проводим с ней за чтением. Она так хохочет, когда я изображаю мартовского кролика: «Ой, мои бедные усики!»

Ой, моя бедная дочь! Что с ней сейчас, долго ли я отсутствовала, она дома одна, голодная! А я сижу тут, бездарно плясая на руки! Может быть, я дома, и моя дочь тут рядом со мной?

И Она снова начала оглядываться по сторонам, силясь узнать хоть что-нибудь в комнате. В этот раз Ее глаза натолкнулись на другие, серые и очень грустные. Перед Ней сидела молодая женщина. Темные жесткие волосы, прямой пробор, острый подбородок. Все это создавало неприятное, отталкивающее впечатление.

Она быстро отвернулась. Взгляд снова упал на руки. На черную кайму под ногтями. Это было отвратительно и стыдно. Эти руки, грязные ногти да еще при посторонних! Она поджала пальцы. Что-то блеснуло. На безымянном пальце руки было кольцо.

«Володя! Как же я могла забыть! Володя!» Воспоминание бросило ее в маленькую комнату с длинным столом,

установленным тарелками и бокалами. Гости. Много людей, все веселы и кричат. Муж получил повышение, и сегодня они празднуют это событие. Вот только, кто из этих людей ее муж?

– А где Володя? – спросила Она в пустоту видения.

– Его нет, – ответил чей-то голос.

В ту же минуту видение исчезло, и Она вернулась в комнату к женщине с серыми глазами.

– А где он?

– Он умер, – сказала сероглазая и почему-то заплакала.

«Какие глупости!» – подумала Она. – «Меня проверяют! Это все демократы с их мерзкой перестройкой! Они проверяют меня, Володя, наверняка, арестован,..В конце концов, откуда они знают, про какого Володю я спрашиваю. Такое имя у многих. Они что-то знают, что-то, что я забыла. Вероятно, поэтому я и не могу ничего вспомнить, должно быть меня пытали, били, и теперь – амнезия. Но почему она плачет?»

– Я могу пойти домой?

Сероглазая совсем разрыдалась. Это было невыносимо. Она взяла ее за руку, чтобы успокоить. Рука была холодная и влажная. Какая-то кукольная. Единственное, за что цеплялся взгляд, – были ногти. Треугольные и короткие. Где-то она уже видела такие. Только где?

– Мама! – всхлипнула сероглазая. – Это я, Марина, неужели ты не помнишь?

«Марина-марина-мариининааа», – зазвучал в голове веселенький мотивчик, на душе стало весело, как тогда на танцах, когда праздновали Ее сорокалетие. И Она от души рассмеялась, припомнив, как разгоряченная танцевала прямо на улице.

Нельзя было праздновать сорокалетие, это дурная примета, зря не верила, когда говорили, теперь вот чертовщина какая-то происходит.

Воспоминание исчезло так же быстро, как и появилось.

Она сидела на кровати в больничной палате, рядом, на низеньком стульчике, – Ее заплаканная дочь, Марина.

– Мариночка, как же так? Давно ты пришла? Как вы там мои милые, хорошие? Как Боря? Не обижает?

– Мама! – всхлипывала Марина. – Я решила развестись с ним! Он изменил мне! Опять! Со своей секретаршей! Это уже с новой! Я ращу его детей, днями и ночами выйти из дома не могу, сопلي им вытираю! А этот кабель....

«А ведь так хотелось, чтобы всё было бы хорошо! Ну хотя бы у детей Какие же мы все несча...»

«Ой, мои бедные лапки», – пискнул рядом белый кролик. И хорошенькая девочка с растрепанными волосами весело рассмеялась. И Она рассмеялась. Она была счастлива, все было хорошо. Все было впереди...

И был апрель

Апельсины были рыжие-рыжие, кажется, от них можно было прикуривать, так ярко они горели на столе.

Тогда был конец апреля... Да, точно, была весна: зелень уже взяла в плен сады, но все еще оставалась прозрачной. Значит, апрель.

В конце концов, это не так уж и важно.

Говорят, все врачи – циники. Он и был циничным. Цинизм был фетишем и религией, свидетельством острого ума и ароматом обаяния. Квантовая теория, нобелевская премия, война, любовь – мы все умрем. «Мы все умрем», – говорил он и грустно улыбался или говорил и хохотал.

Эту фразу он умел произносить в двухстах вариациях: назидательно, одобрительно, печально, сочувствующе и даже как побуждение действовать. Нет, он знал много других фраз, но все они были ничто перед этой, единственной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.